

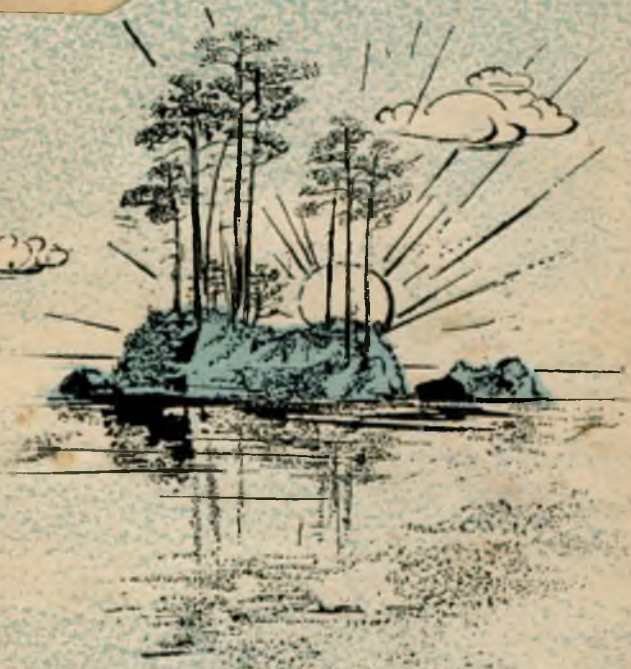
ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

р 62

Р33967

всч

Ладога

издательство «Ленинград»

Всеволод Рождественский

Ладога

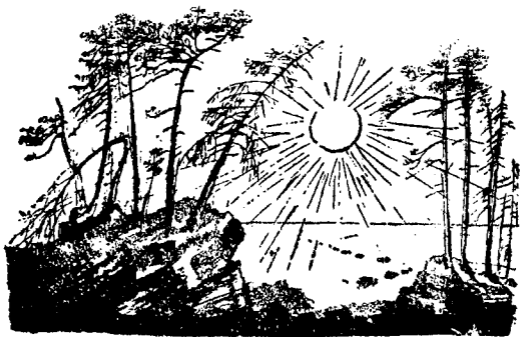
С Т И Х И

О Г Н И З

*Государственное Издательство
Художественной
Литературы
Ленинград · 1945*

79655
33962

**БОЕВЫМ ДРУЗЬЯМ
ВОЛХОВСКОГО И КАРЕЛЬСКОГО
ФРОНТОВ**

Мой Ленинград

БЕЛАЯ НОЧЬ

Средь облаков над Ладогой просторной,
Как дым болот,
Как давний сон, чугунный и узорный,
Он вновь встает, —
Рождается таинственно и ново,
Пронзен зарей,
Из облаков, из дыма рокового
Он, город мой.
Все те же в нем и улицы, и парки,
И строй колонн,

Но между них рассеян свет неяркий,
Ни явь, ни сон,
Как будто жизнь здесь призраком застыла
И, не дыша,
В последний раз на все, что так любила,
Глядит душа.
Его лицо обожжено блокады
Сухим огнем,
И отблеск дней, когда рвались снаряды,
Лежит на нем.
Сквозь голод, тьму и смерть походкой
твердой,
Надеждой жив,
Пройдет он, головы, взнесенной гордо,
Не преклонив,
И как ни душит в ярости напрасной
Его беда,
Предстанет нам, бессмертный и прекрасный,
Как никогда.
Все возвратится: Островов прохлада,
Колонны, львы,
Знамена шествий, майский шелк парада
И синь Невы.
И мы пройдем в такой же вечер кроткий
Вдоль тех оград
Взглянуть на шпиль, на кружево решетки,
На Летний сад.

И вновь заря уронит отблеск алый,
Совсем вот так,
В седой гранит, в белесые каналы,
В прозрачный мрак.
О город мой! Сквозь все тревоги боя,
Сквозь жар мечты,
Отлитым в бронзе с профилем героя
Мне снишься ты.
Я счастлив тем, что в роковые годы
Я был с тобой,
Что мог отдать заре твоей свободы
Весь голос мой,
Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад,
Сам защищал и пулею, и словом
Мой Ленинград.

Июнь 1942 г.

Аэростаты заграждения

ЛЕНИНГРАД 1941 г.

То айсбергов воздушных глыбы
В раскрытом на простор окне
Или серебряные рыбы
В прозрачно-синей вышине?

В белесом северном июле
В холодных сумерках высот
Они в небесном карауле
Стоят все ночи напролет.

Их солнце греет. На рассвете
Дожди в них каплями стучат.
От них серебряные сети
Опущены на Ленинград.

Над городом и над рекою
Они при вздохе ветерка,

Отсвечивая белизною,
Покачиваются слегка.

От злобы душной и звериной,
Прервать готовой мирный сон,
Их серебристой паутиной
Надежно город огражден.

Еще спокойно спят кварталы
Над мутным оловом реки,
А луч рассвета — первый, алый —
Уже златит их плавники.

Еще во тьме дома качает
Канал, закованный в гранит,
А их серебряная стая,
Вся озаренная, стоит...

Родная песня

В годину лихих испытаний,
Великих утрат и невзгод,
Мне легче, как только затянет
Любимую песню народ.

Такой не найдешь у столетий,
Такой не бывало среди книг.
Сложил ее лучший на свете
Правдивый и смелый язык.

Когда запевают про Волгу,
Про гордый конец Ермака,
Дорога не кажется долгой
И всякая тяжесть легка.

В солдатской обветренной доле
Поем мы — и сердца не жаль! —
Про ласточку в синем раздольи,
Про девичье горе-печаль.

Про месяц в решетке острожной,
Про топот цыганских копыт
И тот колокольчик дорожный,
Что бьется и плачет навзрыд.

Старинные песни! Но вновь
Они наше сердце живут,
Чтоб брови сдвигались суровой,
Надежней глядел автомат,

Чтоб биться нам весело было,
Чтоб снова о самом родном —
О русской душе — говорила
Та песня живым языком.

1942 г.

* * *

Снова дружба фронтовая
К нам приходит на порог.
Это — кружка круговая,
Это — общий котелок.

Это — тихая беседа
На привале у костра,
Где прочтешь письмо соседа,
Вспомнишь бой, что был вчера.

Это — в час осенней хмури —
Голубой табачный дым.
Так, давай, дружок, закурим,
Обо всем поговорим!

Как мне грусть твоя знакома!
Плачет небо, стонет лес,
И давно письма из дома
Не приносит ППС.

Знаю, звезды молодые,
Чуть туманясь, как слеза,
Смотрят в ночь, как костромские
С поволокою глаза...

Полно, друг, себя тревожить,
Не к лицу все это нам.
Закури, — авось поможет,
Путь не малый, знаешь сам.

Близок полдень долгожданный,
Славой кончится поход.
Нас сквозь грозы и туманы
К дому Родина зовет.

Баянист

Он на левом колене баян разломил,
Словно буря прошел по ладам,
И вздохнули мехи, словно сдержанных сил
Не хотели показывать нам,
Но, белесые пряди на лоб уронив,
Натянув свой наплечный ремень,
Выводил он из хаоса звуков мотив,
Всем родной, как смеющийся день.

Поднимались и крепи в кругу голоса,
Купол неба стал сразу высок,
Как серебряный голубь над ними взвился,
Трепыхая крылом, тенорок.
Голубая Ока подошла к туляку,
В Сыр-Дарью загляделся узбек,
Белка прыгнула вдруг на пушистом суку,
Осыпая, как облако, снег.
Тучи низко бежали, и вечер был мглист,
Орудийный подкатывал гром,

Но все громче и жарче играл баянист
В притаившемся мраке лесном.
Снег, притихший сначала, сильнее пошел,
Ровным пухом ложась на баян.
Оправляя ушанку, сказал: — Хорошо! . . .
Улыбаясь в усы, капитан.
И, бойцов оглядев, чуть склонился вперед
(Сердце белкой метнулось в груди), —
Два часа отдохнуть! В 0.15 поход.
Третий взвод и баян — впереди.

Тишина

Колеса вздыбленной трехтонки,
Запутанные провода
И тут же в брошенной воронке
Как небо синяя вода.

Здесь, в предосенней позолоте,
В лесу, просвеченном насквозь,
За шагом шаг ползти пехоте
В огонь и грохот довелось.

Но бой ушел. Далеко где-то
Рокочут дымные леса,
И — ветра свежего примета —
Горит заката полоса.

От жаркой битвы отдыхая,
Осин верхушки шевеля,
Спокойно дышит волховская
Родная, древняя земля.

Могла бойца

День угасал, неторопливый, серый,
Дорога шла неведомо куда, —
И вдруг, под елкой, столбик из фанеры —
Простая деревянная звезда.

А дальше — лес и молчаливой речки,
Охваченный кустами, поворот.
Я наклонился к маленькой дощечке:
«Боец Петров» и, чуть пониже, — год.

Сухой венок из побуревших ёлок,
Сплетенный чьей-то дружеской рукой.
Осыпал на песок ковер иголок,
Так медленно скользящих под ногой.

А тишь такая, точно не бывало
Ни взрывов орудийных, ни ракет.
Откуда он? Из Вологды, с Урала,
Рязанец, белорусс? — Ответа нет.

Но в стертых буквах имени простого
Встает лицо, скуластое слегка,
И серый взгляд, светящийся сурово,
Как русская, равнинная река.

Я вижу избы, взгорья ветровые,
И, уходя к неведомой судьбе,
Родная безымянная Россия,
Я низко-низко кланяюсь тебе.

* * *

33967
И я служу народу моему...
Быть может той единственной строкою,
Которую твердит, готовясь к бою,
Артиллерист в грохочущем дыму:
«И я служу народу моему!»

Когда в ночи, взрывая дождь и тьму,
Взвивается сигнальная ракета,
Чтоб взять на цель последнюю тюрьму,
Строкою, славящей победу света,
И я служу народу моему.

И в час, когда на солнечной поляне
Сойдемся мы при кликах ликований,
Я как задравный кубок подниму
Строфу мою. — В годину испытаний
И я служил народу моему.

* * *

Вновь пушистые березы
 Никнут, окна серебря,
На стекле застыли слезы
 Вьюжной ночи января,
И горит, иль то мне снится? —
 В чаще пальмовых ветвей
Оперение Жар-птицы,
 Зыбь тропических морей,
Волокнистые узоры,
 Пальм прозрачных веера,
Снеговых равнин просторы,
 Синь павлиньего пера.
И, как лебедь сказки русской,
 Раздвигая камыши,
Проплывает месяц узкий
 В терем девицы-души.
На пол у моей избушки
 Льется лунная парча,
В пальцах бегают коклюшки,
 Печка дышит, горяча.

И струится вечер длинный
Голубеющим лучом
На старушкины морщины
Под надвинутым платком.
Все так близко, так знакомо,
Мило сердцу моему.
Сумрак детства? Призрак дома?
Грусть разлуки? Не пойму.
Я дремлю, покрыт шинелью,
Головой примят мешок,
А за печкой, где-то в щели,
Заливается сверчок,
А в ушах все тот же грохот,
Над глухим лесным ручьем,
А в глазах снега и елки,
Опаленные огнем.
И на дне пустой воронки,
Чуть успев сугроб примять,
Русый парень пулеметчик
Грудью лег на рукоять.
В снег зарытый, локоть стынет,
Серебрится лунный наст,
Нет, поста он не покинет,
Пулей промаха не даст!
Он в бою не день, не третий.
А за ним его страна —
Вот такая же избушка
И такая же луна.

Цветок Таджикистана

Две бортами сдвинутых трехтонки,
Плащпалаток зыбкая волна,
А за ними струнный рокот — тонкий,
Как преддверье сказочного сна.

На снегу весеннем полукругом
В полушубках, в шапках до бровей,
С автоматом — неразлучным другом —
Сотня ожидающих парней.

Вот выкодят Азии слепящей
Гости в тюбитейках и парче,
С тонкой флейтой, с домброю звенящей,
С длинной трубою на плече,

И в струистом облаке халата
Вылетает, как джейран, она,
Из шелков руки ее крылатой
Всходит бубен — черная луна.

Пальцами слегка перебирая,
Косы вихрем отпустив вразлет,
Кружится на месте — золотая —
И ладонью в тонкий бубен бьет.

То сверкнет в полете как стрекозы,
То растет как стебель, не дыша,
И как будто рассыпает розы
Шелком шелестящая душа.

Кто тебя в трясины и болота
Бросил, очарованный цветок?
Кто хмельным безумием полета,
Как костер в снегах, тебя зажег?

Почему колючим солнцем страсти
Ты клубишься, искрами слепя,
И, сгорая, сердце рвешь на части
Тем, кто загляделся на тебя?

Многие припомнят на привале
Иль в снегах, ползя в ночной дозор,
Этот, угольком в болотной дали
Черный разгорающийся взор.

Даже мне, как вешних гроз похмелье,
В шалаше, в тумане волховском

Будут сниться косы, ожерелье,
И бровей сверкающий излом...

Там, в груди, уже не гаснет рана,
И забыть никак я не могу
Золотой тюльпан Таджикистана,
Выросший на мартовском снегу.

Фронтовому другу

В такой бревенчатой избушке,
В сугробах, в сумраке лесном
Недостает нам только кружки
Да няни пушкинской с чулком.

Вот так же волком вьюга злится
Метет поземкой у ворот,
Да где-то за-морем синица,
О нас не думая, живет.

Прислушаешься: у полянки;
Болотный расплескав отстой,
Бредут грохочущие танки
Сразиться с Бабою-Ягой,

А только вырвется ракета,
Косого света полоса
Прорежет тьму, и дрогнут где-то
Тяжелым грохотом леса.

Страшнее сказки не бывало,
Кашея не встречалось злей.
Душа в броне суровой стала,
Но и стихам есть место в ней.

Стряхнув от снега полушубок,
Друзья к нам сходятся порой,
Чтоб, молча, лучшую из трубок
Зажечь лучинкой круговой.

Мы ценим дружбу кочевую,
Избушку в пляшущем огне.
Вот почему я так пирую
Сейчас с тобой наедине.

А если снова расставанье
Сулит нам ладожская гать,
Ну что ж? Скажу я на прощанье:
— Дай по-мужски тебя обнять!

Волховская зима

Мороз идет в дубленом полушубке
И валенках, топча скрипучий прах.
От уголька зубами сжатой трубки
Слоистый дым запутался в усах.

Колючий иней стряхивают птицы,
То треснет сук, то мины провизжат.
В тисках надежных держат рукавицы
Весь сизый от мороза автомат.

От мглистой вьюги заслонив подбровье,
Зима глядит за Волхов в злой туман,
Где тучи, перепачканные кровью,
Всей грудью придавили вражий стан.

Сквозь лапы елок, сквозь снега густые
Вновь русичи вступают в жаркий бой.
Там Новгород: там с площади Софии
Их колокол сзывает вечевой.

В глухих болотах им везде дороги,
И деды их медведя подымать
Учили так, чтоб тут же, у берлоги,
Рогатину всадить по рукоять.

Не посрамим наследственного стяга,
Не склоним перед недругом меча!
Крутая кровь — старинная отвага —
Горит в снегах, по-русски горяча.

Январь 1944

Сердце связиста

Где били снаряды по соснам и елкам,
Где жаркая схватка велась,
В приладожских толях фашистским
Осколком
Была перерезана связь.

Трещат пулеметы, работают чисто,
Клубится над дзотами дым,
Но дышит отвагою сердце связиста,
Ползет он по кочкам сырым.

А пули жужжат, как назойливый овод,
И рядом обрушился гром.
Теряя сознание, разорванный провод
Сплести не успел он узлом.

Снаряды ложатся к его изголовью,
И огненный катится вал.

Откинутый навзничь, забрызганный
кровью,
Концы он надежно зажал.

В нем гордо солдатская доблесть горела,
Был смел он в решительный час.
К бойцам чрез его бездыханное тело
Дошел об атаке приказ.

Бегут от штыков голубые мундиры,
Ложатся во рвах без конца,
Налажена связь. И слова командира
Летят через сердце бойца.

Переправа

Широкой гладью шла река,
За ней таился враг,
И выбрать место для броска
Здесь было не пустяк.
Пристрелян каждый был вершок,
Не встанешь в полный рост.
Как угадать, где враг залег
Средь пулеметных гнезд?
Но командир составил план,
Он — этот план — был прям.
И перед строем капитан
Сказал своим бойцам:
— Ребята, кто из вас пойдет?
Минута дорога! —
И без команды целый взвод
Ступил на полшага.
— Задача ваша не проста:
Плыть надо через Свирь!
Здесь нет ни брода, ни моста, —

Одна речная ширь. —
Четыре ночи он не спал...
Но... из-под темных век
Взглянув, решительно сказал:
— Двенадцать человек! —
И вот двенадцать храбрецов
Спускаются к реке,
Ползут с откоса меж кустов
Бесшумно, налегке.
Скользнули в воду. Каждый плот
Толкает пред собой,
А на плоту макет встает —
Совсем солдат живой.
Не верит враг своим глазам:
Плывут — и не таясь!
«Огонь!» И всюду, здесь и там,
Вдруг тишь разорвалась.
По всем мишеням злобно бьет
Осатанелый враг.
Не умолкает пулемет
Среди лесных коряг,
Свинцом изрыта гладь реки,
Живого места нет,
А здесь и там — то взмах руки,
То плеч широкий след.
Вода бурлит, как кипяток,
Вода бела, как снег,
Но держат путь наискосок

Двенадцать человек.
Плывут. Относит их река,
Бороться тяжело.
Но воля каждого крепка,
И на душе светло.
Их сердце Родина ведет
Сквозь темных вод разбег,
Они плывут, плывут вперед —
Двенадцать человек,
И вот руки последний взмах, —
Они на берегу.
Надежно каждый автомат
Сжимает на бегу.
Запел стремительный свинец,
Врагу пощады нет.
И сотни дружеских сердец
Откликнулись в ответ.
А сотни наших батарей,
Ударив в свой черед, —
Вздымают бревна блиндажей,
Громят за дзотом дзот..

Они врага вдавили в грязь,
Нащупали огнем,
И переправа началась
Под орудийный гром.

*Июнь 1944
р. Свирь*

Старшина Крылов

Смуглый плотный рязанец с прищуром
внимательных глаз,
Был Крылов старшина расторопен,
настойчив, как надо.

В боевом охранении огонь поднимал он не
раз.

И брала его сердце при этом глухая досада.
«Эх! — он думал, — скорей бы добраться
в горячем бою

До берлоги проклятой, до вражьего
черного горла!

Я бы влил в эти пальцы всю ярость
и злобу свою,
Так врага бы зажал, чтобы сразу дыхание
сперло».

Неустанно и ровно фашистский строчил
пулемет

Из болотистой кочки, из легшего в ельнике
дзота.

И решил старшина: «Поползу желтоглазым
в обход.

Порасчищу дорогу, чтоб ринулась следом
пехота».

Пули рыли траву, проносясь над его
головой,

Мины черным огнем поднимались то слева,
то справа,

И вершок за вершком проползал он
полянкой сырой

Путь, который ему указала солдатская слава.

Вот немецкий окоп. Автоматчик с безумным
лицом

Поднял ствол вороненый. Но грянула сразу
граната.

Старшина оглянулся: бегут на него
вчетвером.

Снова гром и огонь,—и преграда последняя
смята.

Вот и вражья нора. И последней гранаты
бросок.

Разворочено логово в дыме и грохоте
взрыва.

Он один, невредим. Отирает вспотевший
висок.

— Ну, дорога свободна. Нажмите, ребята!
Счастливо! —

И широким охватом пошла пехотинцев
волна,

Заливая окопы и вражьи сметая остатки...

— Да, — сказал, улыбаясь, рязанец Крылов,
старшина, —

Где отвага да сметка — там все будет
в полном порядке!

Как в кубрике тесном, как прежде на
баке,
Опасность и славу по-братски деля,
На тропках разведки и в буре атаки
Хранят они дружбу и честь корабля.

Когда они лезут на вражьи утесы,
Звериные дзоты дробя и круша,
При виде тельняшки, при слове
«матросы»
У немца от страха мутнеет душа.

Ты видишь ту сопку в трясине
туманной?
Бойцы отстояли в ней каждую пядь.
Пускай эту сопку зовут Безымянной,
Ее «краснофлотской» могли бы назвать!

На карте победы, где солнце смеется,
Сам Сталин, как флагман, им курс
указал.
Под вымпелом славы идут краснофлотцы,
Идут краснофлотцы как ладожский вал.

Трудна их морская лихая работа,
Но Родина всем им как жизнь дорога,
В честь славного флота морская пехота
Сквозь лес и болота идет на врага!

Кукушечка

То в лесу не ветер дует,
И не мышь в корнях скребет,
То кукушечка кукует,
Спать мне нынче не дает.

Выйду, выйду из избушки,
Ствол надежный подниму
И кукушку вмиг на мушку,
Мушку точную возьму.

Выстрел грянет, как из пушки,
Ветки дрогнут на сосне.
Не летать теперь кукушке
По родной моей стране!

Вот она, ломая сучья,
Тяжко грохнулась в траве —
С черной свастикой научьей
На лиловом рукаве.

Шофер

Когда он уходил в военкомат,
Его село с баяном провожало,
И слез, должно быть, пролила немало
Одна из смуглых молодых девчат.
И вот ему трехтонка вручена,
Клокочущая сдержанною силой,
Чтоб твердая рука ее водила
По тем дорогам, где горит война.
С веселой песенкой он сел за руль
И, на лесную выехав дорогу,
За два-три дня привыкнул понемногу
К разрыву мин, к посвистыванью пуль.
Давно известно: он не подведет,
И во-время получит полк патроны,
По всем дорогам, по лесам сожженным,
В жару и в дождь, в пургу и ледоход.
Он изучил здесь каждый куст, ухаб
И на своей испытанной трехтонке,
Объехав ловко свежие воронки

Доставит груз и в батальон и в штаб.
Его частенько видят под огнем
Везущим то продукты, то снаряды,
Ему украдкой бросают взгляды
Регулировщицы, махнув флажком.
И столько лиц улыбкою цветет,
Когда машину на переднем крае
Окружат дружно, ящики сгружая,
Артиллеристы иль пехотный взвод.
Когда он слышит: «Это наш шофер!»
Ему в том слове лучшая награда.
Всем видно, парень трудится, как надо,
Под пулями взлетая на бугор.
Они воют, Родины сыны,
И в этом вся — без красок и узора —
Простая биография шофера,
Солдата и работника войны.

«Медведь»

Говорили три солдата
Под болотною сосной:
— Вот послушайте, ребята,
Случай был у нас какой.

Есть в хоззведе некий Федя,
Он всегда мешком одет.
Неуклюжее на свете
Парня не было и нет.

Раз снимал у бака крышку, —
Вертит, крутит здесь и там,
Поднажал немного лишку, —
Смотрим: крышка пополам.

Размахнется топориком, —
Лишь пригнуться успевай.
Топорище в лес просвищет,
А топор бултыхнет в чай.

То завязнет на дороге,
То, присев в кустах, уснет,
То в землянке на пороге
Лоб о балку расшибет.

Клал мосток через поляну —
Провозился до-темна.
«Что с тобой я делать стану? —
Чуть не плачет старшина.

— Многих видел я на свете,
А с тобой сойдешь с ума.
Ну, совсем верблюд ты, Федя,
Только вот рогов нема!»

Мы пилили, мы ругали,
И однажды на доске
«Медведём» нарисовали
В боевом своем листке.

Он на нас не обижался,
Только, прутик теребя,
Все чему-то улыбался,
Что-то думал про себя.

И однажды, — случай редкий,
Сами можете судить, —
Посещает взвод разведки.
«Разрешите доложить...

Говорили мне ребята,
Что у самых у болот
Два немецкие солдата
Завязили пулемет.

Вам к нему не подобраться —
Пули свищут здесь и там..
Разрешите попытаться.
Тут уж маху я не дам».

Лейтенант глядит сурово,
Улыбается в усы.
Федя мнется. «Право слово,
Говорю не для красы.

Лишь позвольте. Кроме шуток,
Может, я охотник был
И в болоте диких уток,
Может, за ноги ловил...»

Дали Феде разрешение.
Видим, Федя не спешит.
«Чтобы не было сумненья,
Присмотрюсь я», — говорит.

И тихонько из обоза
Что ни ночь ползет туда,
Где корявая береза
Да болотная вода.

То застынет возле кочки,
То в кусты шугнет змеей.
Так почти четыре ночи
Лазал он по огневой.

А на всякие нападки
Раз ответил наотрез:
«Ну, глядите: все в порядке!..»
И куда-то сам исчез.

Смотрим, там, где притаился
За кустами вражий дзот,
Закряхтел, зашевелился,
Ходом вышел пулемет.

Без поддержки, без указки,
Разрывая торф сырой,
По болоту — ну, как в сказке! —
Ковыляет сам собой.

И пошел от кочки к кочке
Бойко прыгать, как козел.
Из окопа немец строчит,
Мы кричим: «Лови! Ушел!»

Немчура орет со злости,
Сыплет пули по кустам,
А «трофей» знай чешет в гости
И куда же? — прямо к нам.

Проскочил быстрее мышки
До окопа — прямо в лоб.
Тут его скорей подмышки
Из засады Федя сгреб.

Ну, конечно, обступили,
Поздравляют молодца!
И с улыбкою Костылин
Утирает пот с лица:

«Что хвалить-то! Дело просто:
Ночки три я подползал,
А потом его, прохвоста,
Здесь под брюхом подвязал.

Подрасчистил путь лопатой,
Подобрал сучье с земли,
Дал команду, — и ребята
У каната помогли!»

С той поры никто не скажет,
Что Костылин косолап,
С уважением укажут:
«Дельный парень, и не слаб.

Молодец, — толкуют, — Федя!
Эку штуку завернул!»
А художник сам «медведя»
На «листке» перечеркнул.

На фронтовой дороге

Бесконечными колоннами,
По колено в рыжем облаке,
Утирая шею потную,
По пескам взбираясь на-гору,
Шли они вечерней улицей
По селу большие Волоки.

Шла пехота с автоматами,
Грохотали танки грузные,
Пушки серые, хобастые,
Котелками все увешаны,
И верхом на грозном чудище
Парень с космами белесыми,
От плеча к плечу гармонику
Растянув, гремел «заветную».

У избы с березой кволою
Выбегали девки яркие,
Зажигали взор лазоревый;

Бородатые колхозники
Улыбались в дым махорочный,
Ребятишки по обочине
Воробьиной стайкой прыгали.

— Здравствуй, воинство народное,
Краснозвездное, геройское,
Наши верные хранители,
От беды освободители,
Наши друзья, братья родные! . . . —

Выходила бабка старая
Под платочком с серой крапичкой,
Вся морщинистая, смуглая
Словно яблоко печеное.
И рукой махала сухонькой
Вслед запыленному воинству:
— Вы сынки, внучата милые,
Дай вам бог удачи-радости! —

А солдат — усы щетиною,
От виска ко лбу царапина —
Ей сказал хрипяще, ласково:
— Ты б воды, мамаша, вынесла! —

И когда он пил, запыленный,
Высоко задравши голову,
И каталось в горле яблоко,

С каждым вздохом сочно екая,
На него глядела старая,
Теребя углы косыночки,
А глаза подслеповатые
Как на солнце узко щурились...

Лейтенант на серой лошади
Проскакал, блеснув погонами,
Засверкала медь на солнышке,
Грянул марш «Вперед, за Родину!»,
И, тяжелыми подошвами
Прибивая пыль дорожную,
Подравнялись отделения...

Господни Великий Новгород

Над озером, в Приладожьи студеном,
Где вольная раскинулась земля,
Сиял он гордо золотом червленим
Монастырей и древнего Кремля.

К нему сходились, словно сестры, реки
Сквозь темные болота и леса,
Товар заморский «из варягов в греки»
Несли в ладьях тугие паруса.

Как богатырь в урочище пустынном
Стоял он твердо — родины оплот,
И этот город в песнях «Господином
Великим Новгородом» звал народ.

Над башнями, над белою Софией
В годину бед, сквозь вражьих стрел
дожди

Здесь вечевое сердце всей России
Набатом пело в каменной груди.

Здесь, Русь от злого недруга спасая,
Над Ильменем, синевшим широко,
В боях гуляла палица Буслая,
Звенели гусли славного Садко.

Сзывая Русь на пиршество отваги,
Ведя полки сквозь дебри и снега,
Здесь Александр Невский поднял стяги
На псов-германцев — лютого врага, —

И Новгород, сияя славой древней,
Дошел до нас, свободный, как всегда.
Его «концы», посадки и деревни
Хранила пятикрылая звезда.

Но тот же враг под злобный вой орудий
Пополз к нему в грохочущей броне.
Он все, чему так радовались люди,
Разграбил, сжег и разорил в огне.

Мы отошли. Но знали мы заране,
Что, древним стенам возвращая честь,
С отвагой дедов внуки-волховчане
На пришлецов обрушат гнев и месть.

И час настал. В развалинах и дыме
Он снова наш, разбитый, но живой.
Возносит вновь над стенами родными
София купол черный и сквозной.

Она пробита вражеским снарядом,
Ободран золотой ее шелом,
Но вмятых в снег, со звонницею рядом,
Не счесть врагов на взгорье волховском!

Гремит орудий слава вечевая,
И медное, как колокол-старик,
Над нами солнце, тучи разрывая,
Раскачивает гневный свой язык.

Мы возродим сыновьями руками
Седую славу дедовских веков,
Заплатит враг сполна за каждый камень
Древнейшего из русских городов!

Чайки Ленинграда

(1944 г.)

Дышит солнечным простором
 Возрожденный Ленинград,
Над серебряным заливом
 Чайки легкие скользят,
Чайки — птицы боевые,
 Самолеты в синеве,
Охраняющие зорко
 Строгий город на Неве.

Высоко они на солнце
 Отливают серебром,
Для врага в когтях зажатых
 Держат молнию и гром,
И идут неудержимо
 Треугольником стальным,
Словно стрелы, прошивая
 Облаков летучий дым.

А внизу, у волн залива,
 Дышит город трудовой,
Город мужества и славы
 С небывалою судьбой,
И в цехах его бессонных
 Над простором невских вод
Бьется ленинское сердце,
 Воля Кирова живет.

Он свои залечит раны.
 Он, испытанный в бою,
Снова держит неустанно
 Вахту грозную свою,
И глядит, теряясь взором
 В вольном море синевы,
Как, скользя морским простором,
 На врага идете вы.

Добрый путь вам, птицы, птицы.
 К черной западной стране!
Сердцем мы летим за вами
 В беспредельной вышине.
Вы быстры в пожаре боя,
 Вы отважны, как всегда,
И несет врагу отмщенье
 Ваша алая звезда!

Снова Балтика!

Веют ветрами морские просторы,
Грозами тучи полны.
Курсом на запад выходят линкоры —
Стражи Советской страны,

Душен Европы отравленный воздух,
Бури блуждают в морях, —
Мы же несем свои алые звезды
На боевых вымпелах.

Встретим врага ураганами стали,
Примем решительный бой, —
Вахту победы доверил нам Сталин —
Флагман эскадры родной.

За круглым столом

Когда мы сойдемся за круглым столом,
Который для дружества тесен,
И светлую пену полнее нальем
Под гул восклицаний и песен,
Когда мы над пиршеством сдвинем
хрусталь

И тонкому звону бокала
Рокочущим вздохом ответит рояль,
Что время разлук миновало, —
В сиянии елки, в сверканьи огней
И в искрах вина золотого
Я встану и вновь попрошу у друзей
Простого заздравного слова.

Когда так победно сверкает струя
И празднует жизнь новоселье,
Я так им скажу: — Дорогие друзья,
Тревожу я ваше веселье.

Двенадцать ударов. Рождается год.

Беспечны и смех ваш и пенье.

А в памяти гостем неожиданным встает
Жестокое это виденье.

Я вижу, как катится каменный дым
К глазницам разбитого дзота,

Я слышу, — сливается с сердцем моим
Холодная дробь пулемета.

«Вперед!» я кричу и с бойцами бегу,
И вдруг нестерпимо и резко —
Я вижу его на измятом снегу
В разрыве внезапного блеска.

Царапая пальцами скошенный рот
И снег раздирая локтями,

Он хочет подняться, он с нами ползет
Туда, в этот грохот и пламя,

И вот уже сзади, на склоне крутом

Он стынет в снегу рыжеватом —
Неведомый парень с обычным лицом,
С зажатым в руке автоматом...

Как много их было — рязанских,
псковских,
Суровых в последнем покое, —

Помянем их молча и выпьем за них,
За русское сердце простое!

Бесславный конец уготован врагу, —
И с нами на празднестве чести
Все те, перед кем мы в безмерном долгу,
Садятся по дружеству вместе.

За них до краев и вино налито,
Чтоб жизнь, продолжаясь, сияла.
Так чокнемся молча и выпьем за то,
Чтоб время разлук миновало!

ИРИНЕ

* *
* *

Сердце, неумный бубенец,
Полно заливаться под дугою,
Покорись со мною, наконец,
Светлому осеннему покою.

В путь с тобой мы вышли налегке
(Я напрасной не искал печали),
И меня в родном березняке
Соловьи да звезды провожали.

Было время музыки и книг,
Встреч, разлук, бессонных разговоров, —

А теперь понятней мне язык
Тишины и голубых просторов.

Высоко над пламенем рябин,
На заре, прозрачной и нескорой,
Журавли ведут свой легкий клин
В дальний путь, на теплые озера.

И отныне в слове у меня
Есть какой-то привкус — легкий, дикий
Кострового дымного огня
И морозом тронутой брусники.

Тем и жизнь всегда мне хороша,
Что, маня и ширью, и дорогой,
Русская живет во мне душа
Неизбывной песенной тревогой.

* * *

Ты хочешь знать, как это было,
Как ты пришла ко мне во сне?
Судьба, должно быть, так судила
В глухой болотной стороне.

Как горестно, неумоимо
Тебя искал я, — видит бог, —
Но ты скользила тенью дыма
Вдоль фронтовых моих дорог.

Порой касатки быстрый росчерк
По небу, полному огня,
Напомнит легкий смелый очерк
Бровей, коснувшихся меня.

То в глуби озера лесного
Ты улыбнешься, как восход,
То горько сказанное слово
На сердце льдинкой упадет.

Но в этот раз все было проще.
Не так, как виделось уже.
Был язычок копилки тощей
В сыром и темном блиндаже,

Окно, завешенное елью,
Луна в снегах и лыжный след.
Я спал, едва прикрыт шинелью,
И я не знал, то сон иль бред.

Руки, чужой и онемелой,
Я был не в силах приподнять,
А мутный жар, сжигая тело,
То падал, то вставал опять.

Запела дверь. Хочу привстать я —
И вижу: луч висит сквозной,
А в том луче, в знакомом платье
Ты — как тогда, перед войной.

Да, это ты. Твое дыханье,
Твои шаги. И, так легка,
Мне на плечо в ночном сиянье
Легла горячая рука.

Но тут проснулся я, не веря,
Не понимая, где я сам.

Шла ночь. Из чуть прикрытой двери
Тянуло стужей по ногам.

Молчала ель. Луна сжигала
Снега безжалостным лучом.
Все, что мне снилось, явью стало,
А явь казалась только сном.

* * *

На песок, от зари лиловатый,
За грядою взбегает гряда.
Море Крыма, под солнцем заката
Где тебя я увижу, когда?

Опаленный ветрами и солью,
На пустынном бродя берегу,
Я гляжусь в тебя с тайною болью
И насытить глаза не могу.

Вечно юное, вечно живое,
В широте торжества своего
Никогда ты не знаешь покоя
И, как будто, не хочешь его.

В неуклонном и страстном стремленьи
Ты валы свои катишь в тоске
К берегам, где прошли поколенья,
Не оставив следов на песке.

И на гравий, скрипучий и вязкий,
Под холодным шафранным лучом,
Все выносишь пробитые каски
Да мундиры с нашитым орлом.

Так, широким прибоем смывая
Эту память о яростных днях,
Снова вечность твоя голубая
На крутых закипает камнях.

* * *

Пурге этой ночью раздолье,
Один через силу бредешь.
И стонет, и мечется поле,
Лицо подставляя под нож.

Пылить начинает дорога,
Поземкой зализывать след.
Уж, кажется, пройдено много.
А старой березы все нет.

Сквозь ветер, пронзительно колкий,
Я больше шагать не могу.
Вот слева шарахнулись елки,
По грудь увязая в снегу.

Бреди, да поглядывай в оба, —
Уж нет ни земли, ни небес.
Споткнешься — не встанешь с сугроба,
Где пляшет хохочущий бес.

Он визгами режет мне уши,
Бездомную долю кляня,
Скулит он, — не любо, не слушай! —
Что мне не дойти до огня.

Ну, нет! Как ни стонет, ни кружит,
Ни кроет за тучей звезду, —
Сквозь ветер, сквозь сумрак, сквозь
 стужу, —
Хоть вечность итти мне, — дойду!

Заздравный тост

Я пью, друзья, — до дна. Я пью из
хрусталя,
Седого столько лет от встреч, разлук,
свиданий,
От дружеских пиров и гордых восклицаний,
Я пью, высокий тост со дружеством дела.

Вино грядущего отныне бродит в нас,
Все пережитое встает костром высоко!
Я — сверстник Октября и соименник
Блока —
В его лицо взглянуть хочу в последний
раз.

Да, молодость была глупа и хороша!
Но есть всему черед, времен круговращенье,
И холод поздних лет нам обостряет зренье,
И словно старый сад растет у нас душа.

Иные, лучшие даны нам времена...
Сквозь стужу, голод, смерть звучал нам
чести голос,
Когда за жизнь свою родимая страна
В неистовых боях мужала и боролась.

Мы знаем жар огня, нам ведом хлеба вкус,
И что такое жизнь, — наощупь слышат
руки,
Мы дом свой пронесли сквозь холода
разлуки,
И солнца наших встреч не влить в пределы
чувств.

Все, что утрачено, мы возвратили вновь,
И в мужестве боев себе добыли право —
Как знамя развернуть святое имя «Слава»,
Сквозь ненависть пройдя, произнести
«Любовь».

Потомки с гордостью помянут песней нас,
И тот, кто с нами был в походах хоть
однажды,
Тому уж не уйти от негасимой жажды:
Пусть миг один, но жить, вот в эти дни,
сейчас!

Ромашка

Зачем в зеленом мире этом
Я был лирическим поэтом, —
Быть может, лучше было б мне
На медом пахнущих откосах
Простой ромашкой в тяжких росах
В родной качаться стороне?
Мой век не так уж был бы долог,
Но я бы счастье пил до дна.
Заря бы свой сдвигала полог,
Всходила желтая луна.
Вокруг клубились бы туманы,
Тянуло сыростью с озер,
И тихо вечер долгожданный
На мой спускался косогор.

Сорвав цветок рукой несмелой,
Вся погружаясь в забытье,
Тогда бы девушка глядела
На сердце желтое мое.

И, вдоль дорожки осыпая
Кружащиеся лепестки,
Лишь мне вверяла — молодая —
Слова тревоги и тоски.
И там, где жизнь надежду губит
В злом равнодушии своем,
Я б отвечал ей только: «Любит!»
Последним белым лепестком!

* * *

Когда слова случайны и просты
И медленно беседы ткется пряжа,
Чужие, непривычные черты
Мне кажутся подобием пейзажа.

Есть лица, где проходят облака,
Над сонною холмистою равниной,
Есть лица, как вечерняя река,
Где дремлет город с крепостью
старинной.

В одни посмотришь — голубым дождем
Сверкает сад, сбегаящий отлого,
В другие — тускло светит старый дом
И тянется осенняя дорога.

Есть складкой скорби искривленный рот,
Туман, ползущий к тяжкому надбровью
(Черты, которые читает тот,
Кто сам отравлен черною любовью).

Есть омуты зеленых, смутных глаз,
Где все — сплетенье тины и кувшинок.
(Я знал их все, я выдержал не раз
Испепелявший душу поединок.)

Но у тебя, не знаю почему,
Такой простор коричневого взгляда,
Что я гляжусь в него — и не пойму,
Откуда в нем и сумрак и прохлада.

Совсем простое русское лицо, —
Уж, кажется, чего на свете проще,
Но словно утром вышел на крыльцо
В росу и сумрак соловьиной рощи.

Твой карий взгляд и строгий взмах
ресниц

И это имя — нет его напевней! —
Уводят память в терема цариц,
В старинные посадки и деревни.

Я узнаю и солнце, и дожди
В твоём лице — всю русскую погоду,
И что бы ни случилось впереди,
Люблю его все больше год от году.

Быть может, ты лишь тем и хороша,
Что лишь в тебе (пусть я того не стою)
Живет моя бездомная душа,
И вижу только я тебя такую.

Старый портрет

Я не хочу жалеть о том, что было...
Потерь не счесть. Уюта больше нет.
Но если бы судьба мне сохранила
Хоть этот старый, выцветший портрет!

Его я с детства помню над буфетом,
Хранящим все домашнее тепло.
Его глаза каким-то страстным светом,
Глядели в мир сквозь пыльное стекло.

Коронкой косы. Бархатка на шее.
Чуть блещет обручальное кольцо.
Мне ничего на свете нет милее,
Чем это полудетское лицо.

Такие не боятся злой расплаты
За сердца жар. Ей мало жизнь дала,
Но в сумерках годов восьмидесятых
Она себя, не меркнув, пронесла.

У старой тетки, в душевной белошвейной
С иглой в руках, безмолвно день за
днем.

Она томилась скукой бессемейной,
Как серый чижик в клетке под окном.

Когда уныло пели мастерицы
Про суженых, про тройку, про луну,
Она вставала молча и с ресницы
Слезу роняла, подойдя к окну.

Что жизнь ее? Чужой батист да
ленты...

А где-то там весна ломает лед,
О Родине поют жильцы-студенты,
И нет им ближе слова, чем «народ».

О, век мечты, родившейся в неволе,
Тяжелый век мучений и утрат!
Ей и самой учить бы в сельской школе
Светловолосых, как ячмень, ребят,

Чтоб ночь была и земская больница,
Чтоб не жалеть ни рук своих, ни сна
И этим хоть немного расплатиться
За кровь твою, родимая страна!

Любви она не знала. Были дети.
Был муж — добряк. Чиновной жизни
гам.

Над книгами в холодном кабинете
Она сидеть привыкла по ночам.

И годы шли в тревоге неустанной,
Сгорало сердце в честности прямой.
Все было в жизни: Ясная Поляна,
Где с ней в саду беседовал Толстой,

Угроза ссылки, снег равнины спящей,
Соблазны сердца, камни на пути...
И все-таки свой огонек дрожащий
Ей удалось сквозь ветер пронести.

Но от свечи осталось уж немного,
Растаял воск, и нехватило сил.
Длинна, трудна осенняя дорога
И многих доводила до могил.

Минула жизнь. От старости пощады
Нет никому. Без света, без тепла,
Под взрывы бомб, в глухую ночь
блокады
Она меня мучительно ждала...

Тот слабый зов, вошедший в грудь
иглою.

Мне не забыть, должно быть, никогда.
Мы были с ней разлучены войною,
Но где я был в те мирные года?

Нет ни ее, ни старого портрета,
Ни даже дома. Зимний день мутней.
Но узнаю я тот же отблеск света
В зрачках крылатых дочери моей.

И тех же звезд огонь необычайный,
Которым в мир моя глядела мать,
Когда-нибудь неугасимой тайной
Она захочет дальше передать.

* * *

Я в этой книге жил когда-то...
На ней донныне след живой
Неторопливого заката
Души, очищенной грозой.

Да, проходил я не напрасно
В дожде и в солнце рощ земных
И звал прекрасное прекрасным,
И не боялся слов простых.

А на людскую память право
У этих строк хотя бы в том,
Что я сложил их нелукаво
Достойным русским языком,

Карельская береза

Стоит она здесь на излучке,
Над рябью забытых озер,
И тянет корявые руки
В колеблемый зноем простор.

В скрипучей старушечьей доле,
Надвинув зеленый платок,
Вздыхает и слушает поле,
Шуршащее рожью у ног.

К ней ластятся травы погоста,
Бегут перепелки в жару,
Ее золотая береста
Дрожит сединой на ветру;

И жадно узлистое тело,
Склонясь в придорожной пыли,
Корнями из кочки замшелой
Пьет мутную горечь земли.

Скупые болотные слезы
Стекают к ее рубежу,
Чтоб сердце карельской березы
Труднее давалось ножу;

Чтоб было тяжелым и звонким
И, знойную сухость храня,
Зимой разрасталось в избенке
Трескучей травой огня.

Как мастер, в суке долговязом
Я выпилю нужный кусок,
Прикину прищуренным глазом,
Где слой поубористей лег.

В упрямой и точной затее
Мечту прозревая свою,
Я выбрал кусок потруднее,
Строптивый в неравном бою.

И каждый резьбы закоулок
Строгою и глажу стократ —
Для крепких домашних шкатулок
И хрупкой забавы ребят.

Прости, что кромсаю и рушу,
Что сталью решаю я спор. —

Твою деревянную душу
Я все-таки вылью в узор.

Мне жребий завидный подарен:
Стать светом — потемкам на зло.
И как я тебе благодарен,
Что трудно мое ремесло!

Русская муза

Как мало надо нам, как узок мир порою!
Трещат в печи дрова, жестка моя кровать
Вот я закрыл глаза. За этою чертою
Мне больше, кажется, уж нечего желать.

Усталость до краев мне наливает тело.
Еще томит озноб, — туман лесных дорог, —
Но бережно в ногах шинель меня согрела,
И тихая луна выходит на порог.

Уже глухая ночь, а мне еще не спится.
Вот в голубом луче скользнула чья-то тень,
Неслышно подошла и на постель садится.
Где видел я ее? Она светла, как день.

Тянусь, хочу спросить, но, обессилен сонью,
Невольно падаю в глухое забытье.
Она горячий лоб мне трогает ладонью.
Я слышу над собой дыхание ее.

И тихо ей тогда я думы поверяю,
И жадно слушаю крылатые слова.
Уже бледнеет ночь, луна ложится с краю,
Прохладным забытьем хмелеет голова...

О, будь всегда со мной! И под дождем
похода,
И в тусклом огоньке сырого блиндажа,
Ты в грохоте боев и в мирных сменах
года.—
Как облако проста и как рассвет свежа!

Ведь если есть еще мне близкое на свете,
Что должен я в пути, как старый клад,
беречь,
То это голос твой, простые руки эти
И Родины моей взыскательная речь.

* * *

Мир мой — широко раскрытая книга,
Пестрая бабочка стран и морей,
Все, что я видел, узнал и ушами
Взял из эфира, как влагу трава.

В темную глубь уходящий корнями,
Ветви раскинувший в пламени дня,
Неугасимой сжигаемой жаждой,
Пил я и радость и горе земли.

Сколько блуждал я в глухом бездорожья,
Сколько раз падал и снова вставал,
Неутомимо, как древле Иаков,
Сколько с собою боролся в ночи!

Но, раздираемый смутной тревогой,
Выпивший терпкую чашу до дна,
Я никогда повторять не устану
Гордого имени: «Я человек!»

СОДЕРЖАНИЕ

I

Мой Ленинград	3
Аэростаты заграждения	6
Родная песня	8
Снова дружба фронтовая	10
Баянист	12
Тишина	14
Могила бойца	15
И я служу народу моему	17
Вновь пушистые березы	18
Цветок Таджикистана	20
Фронтovому другу	23
Волховская зима	25
Сердце связиста	27
Переправа	29
Старшина Крылов	32
Морская пехота	35
Кукушечка	37
Шофер	38
„Медведь“	40

На фронтовой дороге	45
Господин Великий Новгород	48
Чайки Ленинграда	51
Снова Балтика!	53
За круглым столом	54

II

Сердце, неумный бубенец	57
Ты хочешь знать, как это было	59
На песок, от зари лиловой,	62
Пурге этой ночью раздолье,	64
Заздравный тост	66
Ромашка	68
Когда слова случайны и просты	70
Старый портрет	72
Я в этой книге жил когда-то	76
Карельская береза	77
Русская муза	80
Мир мой—широко раскрытая книга	82

*Редактор В. Новиков
Обложки и заставки В. Курдова*

М 01155. Подписано к печати 5/III-1945 г. Тираж 10000
Уч. авт. л. 5,1. Печат. л. 2^б/₈. Заказ № 6727.
Типография № 1 Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгоссовета.

3 p.

